

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева

<https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

Е. В. Асафьева

<https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

**«Но разве мертвым холодна постель»: танатологический дискурс
в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова**

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «Но разве мертвым холодна постель»: танатологический дискурс в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 58-68. DOI 10.20323/2658-7866-2021-3-9-58-68

В статье анализируется специфика танатологического дискурса в «Колымских тетрадах» Варлама Шаламова, что позволяет представить его творчество как единый метатекст, разрабатывающий различные вариации танатологической поэтики. Категория смерти рассматривается как интегральная основа творчества В. Шаламова, что в конечном итоге приводит к осознанию собственного отношения к смерти как онтологической, эпистемологической и аксиологической основы жизни и творчества. В статье рассматриваются различные модусы смерти в «Колымских тетрадах»: смерть как важнейший компонент сознания лирического героя, недостижимость упокоения, смерть как воплощение исторической памяти, искусство как победа над смертью, идея очищения и упокоения души посредством творчества. Танатологический дискурс «Колымских тетрадей» Варлама Шаламова рассматривается как целостный художественный мир, в центре которого – образ лирического героя-творца, постепенно проходящего через все стадии умирания, как совокупность сюжетов и образов, объединенных не только темой физической смерти, но и идеей памяти, творчества как символа победы над разложением, моральным и телесным. В статье демонстрируется, как танатологический персонаж проходит сложный путь от заражения смертью до полного духовного очищения, выполняя миссию творца, поэта, призванного запечатлеть в творчестве распад личности, неизбежно возникающий под воздействием тяжелых жизненных обстоятельств, и таким образом он не только избавляет себя от глубоких духовных переживаний и обретает вечный покой, но и помогает восстановить историческую справедливость.

Ключевые слова: В. Шаламов, «Колымские тетради», танатологическая поэтика, категория смерти, мортальные образы, лирический герой, мотив, танатологическая метафорика.

E. M. Boldyreva, E. V. Asafyeva

**“But is the bed cold to the dead”: the thanatological discourse
in Varlam Shalamov's Kolyma Notebooks**

The article analyzes specificity of the thanatological discourse in Varlam Shalamov's Kolyma Notebooks, which allows to present his work as a single metatext, elaborating different variations of thanatological poetics. The category of death is considered as an integral basis of V. Shalamov's work, which eventually leads to understanding his own attitude to death as an ontological, epistemological and axiological basis of life and creative work. The article examines different modes of death in Kolyma Notebooks: death as an essential component of the lyrical hero's mind, unattainability of rest, death as the embodiment of historical memory, art as victory over death, and the idea of purification and rest of the soul through creative work. Thanatological discourse of Varlam Shalamov's Kolyma Notebooks is seen as an integral artistic world with the image of the lyrical hero-creator at its center, gradually passing through all stages of dying, as a complex of subjects and images, united not only by the theme of physical death, but also by the idea of memory and creativity as a symbol of victory over moral and bodily decay. The article demonstrates how the thanatological character goes along the difficult path from contamination by death to complete spiritual purification, fulfilling the mission of the creator, the poet, called to capture in his work disintegration of personality, inevitably arising under the influence of difficult circumstances of life, and thus he not only relieves himself of deep spiritual distress and finds eternal peace, but also helps to restore historical justice.

Key words: V. Shalamov, Kolyma Notebooks, thanatological poetics, category of death, mortal images, lyrical hero, motif, thanatological metaphor.

Введение

Танатологические мотивы в искусстве – явление широко распространенное. Особенно востребованной тема смерти становится в эпоху исторического кризиса, когда человеческая психика становится наиболее уязвимой, когда утрачивается вера в светлое будущее, а на смену надежде приходит отчаяние и страх. Так, например, на рубеже XIX-XX вв. возникло новое течение в искусстве, получившее название декаденство и воспевавшее упадок, тоску, смерть, разрушение и т. д. Поэты, писатели и художники эпохи

романтизма, предшествующей декаденству, пытались постичь тайны бытия и поэтизировали смерть как наивысшую тайну, непостижимую человеческим сознанием.

Иную модальность моральные мотивы приобретают, когда смерть и телесное разложение наряду с духовным омертвлением становятся неотъемлемой частью повседневности. Тогда поэтизация танатологических образов сменяется пугающим натурализмом, призванным показать хрупкость человеческой жизни, уязвимость плоти и моральное разло-

жение личности, загнанной в капкан эпохи.

Примером этого может послужить творчество Варлама Шаламова. Образ смерти в его «Колымских тетрадах» изучена достаточно широко [Зайцева, 2005; Абельюк, 2013; Аношина, 2004; Есипов, 2007]. Авторы работ полагают, что «в «Колымских рассказах» тема смерти является ключевой, определяющей их содержание и поэтику», а «отношение к <ней> неоднозначно, противоречиво даже в пространстве одного произведения» [Зайцева, 2005, с. 67]. Все это, на наш взгляд, актуально и для поэтического наследия Шаламова, в частности, для «Колымских тетрадей».

Танатологический дискурс «Колымских тетрадей» являет собой совокупность сюжетов и образов, объединенных не только темой физической смерти, но и идеей памяти, творчества как символа победы над разложением, моральным и телесным. Танатологический персонаж проходит сложный путь от заражения смертью до полного духовного очищения, выполняя миссию творца, поэта, призванного запечатлеть в творчестве распад личности, неизбежно возникающий под воздействием тяжелых жизненных обстоятельств. Таким образом он не только избавляет себя от глубоких духовных переживаний и обретает вечный покой, но и помогает восстановить историческую справедливость, показать, что на погребенных заживо в таежных

снегах людям нет никакой вины. Путь героя «Колымских тетрадей» – это дорога из «дантова ада» вечной мерзлоты к долгожданному покою, ибо в художественном пространстве Шаламова рай является эфемерным и потому недостижимым, в то время как смерть представляет собой единственную пугающе неотвратимую реальность.

«Я коснулся сказки, сказка умерла»: смерть как компонент сознания лирического героя

В ряде стихотворений Варлама Шаламова лирический герой, оставаясь физически живым, становится частью смерти. Проникающая в сознание, она отравляет героя изнутри, постепенно забирая остатки душевных сил. Такой человек становится чужеродным элементом в мире живых; отвергаемый природой, он уничтожает все прекрасное, несет разрушение и скорую гибель всему, к чему прикасается.

Так, в стихотворении «Я коснулся сказки» [Шаламов, 2020, с. 121] герой вступает в конфликт с миром мечты, добра, света. В поисках душевного тепла, он прикасается к искусству, воплощением которого является образ сказки. Однако человек, познавший много печалей, не способен нести свет и любовь, поэтому сказка погибает от его прикосновений. Описывая жизнь сказки, Шаламов вводит образ мотылька – наиболее хрупкого и уязвимого существа в мире бабочек. Сам образ бабочки в культуре явля-

ется границей между жизнью и смертью, поскольку век ее непродолжителен, и, порхая в мире живых, она одновременно пребывает в царстве мертвых. Очевидно, герой желает сблизиться с ней, поскольку сам находится на грани двух миров. Живым его делают остатки человечности: эмоции, тяга к прекрасному, стремление слиться с природой. Доверчивая сказка потянулась к свету, исходящему из сердца лирического героя, и погибла, рассыпалась, превратясь из нежного мотылька в безжизненный белый прах, умножив таким образом его душевные муки: «Выйду в дали снежные, / Слезы по лицу. / Сдую с пальцев нежную / Белую пыльцу» [Шаламов, 2020, с. 122]. Ни стремление к ласке, ни тонкая душевная организация, позволяющая видеть красоту и хрупкость окружающего мира, не способна спасти героя от глубокого растрепания, и потому он обречен скитаться в снегах, несчастный и одинокий. Хлопья снега для него – единственная возможность соприкоснуться с небом, с богом, свободой и чистотой. И потому в одном из стихотворений герой горько заключает: «Если бы кончился сегодняшний мой путь, / Мог бы я снежинками блеснуть» [Шаламов, 2020, с. 198].

Причины прижизненного омертвления героя раскрываются уже в другом стихотворении – «Я отступал из городов» [Шаламов, 2020, с. 103]. Здесь лирический герой, как и в предыдущем примере, отде-

лен от социума, он скрывается в горах, однако и там не может обрести покой, потому что все живое стремится уничтожить его плоть, чтобы она не напоминала миру о смерти и разложении: «Здесь ястреб кружит надо мной, / Как будто я – мертвец, / Мне места будто под луной / Не стало наконец» [Шаламов, 2020, с. 103]. Отношение природы к герою является для него закономерным следствием пережитого опыта. Все живое боится смерти, и потому избегает того, что с ней связано. И поскольку смертные образы завладели сознанием героя, он сам стал частью потустороннего мира: «И повеленье ястребов / Не удивит меня, / Я столько видел здесь гробов, / Закопанных в камнях» [Шаламов, 2020, с. 103]. Рассуждая о прошлом своего героя, Шаламов приводит аллюзию на миф об Орфее, спустившемся в преисподнюю и сумевшем выйти живым. Однако пребывание в загробном мире оставило в сознании мифологического персонажа печать вечной скорби, и песни его стали траурными, подобно песням лирического героя «Колымских тетрадей». Подобно тому, как герой предыдущего стихотворения пытался найти спасение в красоте, он ищет утешения в любви, идею которой выражает миф об Ариадне, спасшей Тесея из лабиринта Минотавра. Однако концепция мифа разрушается в текстовом пространстве стихотворения, поскольку шаламовская Ариадна тянет героя к мо-

гиле, но менее страшной, чем каменная яма: «Протянет Ариадна нить/И выведет меня/К родным могилам, в сад весны,/На теплый чернозем,/Куда миражи, грезы, сны/Мы оба принесем» [Шаламов, 2020, с. 103]. Таким образом, вместо идиллического финала и чудесного спасения мы видим торжество Танатоса над Эросом, а остров Колыма оказывается страшнее и могущественнее знаменитого Крита, и Минотавр памяти обращает в тлен не только героя стихотворения, но и все, что ему дорого и любимо.

«Я сплю в постелях мертвецов»: недостижимость упокоения

Побежденный физической смертью, герой «Колымских тетрадей» не может найти упокоения и вынужден существовать в мире живых, претерпевая душевные муки и раскрывая миру страшную тайну Колымского бытия. И тайна эта состоит прежде всего в том, что на упомянутом острове человеческая жизнь не представляла ценности, а отличить живых от мертвых иногда вовсе не представлялось возможным. Так, в стихотворении «Похороны» лирический герой вспоминает: «И всем казалось – я живой,/Я буду есть и пить,/Я так качаю головой,/Что собираюсь жить» [Шаламов, 2020, с. 173]. Смерть в стихотворении описана не как трагедия, а как явление привычное, вызывающее у окружающих чувство иронии. Переход в иной мир стал неожиданностью и для самого ге-

роя, поскольку, будучи мертвым, он ведет себя, как живой, покорно ложится в могилу, не вырытую человеческими руками, а наспех сооруженную аммоналовой взрывчаткой: «И без одежды, без белья,/Костлявый и нагой,/Ложусь в могилу эту я,/Поскольку нет другой» [Шаламов, 2020, с. 173]. В словах покойника нет ни тени осуждения, поскольку подобное было единственной нормой, и он при иных обстоятельствах поступил бы так же. Чередование трехстопного и четырехстопного ямба наряду с иронией ускоряет темп стихотворения, делая его подобием детской песенки, легкой и запоминающейся, благодаря чему весь ужас происходящего достигает своего апогея в заключительном кадре: «Не горсть земли, а горсть камней/Летит в мое лицо./Больных ночей, тревожных дней/Смыкается кольцо» [Шаламов, 2020, с. 174].

Образ каменной могилы широко распространен в творчестве Варлама Шаламова. Камень помогает сохранить тело нетленным, чтобы в нужный момент явить миру свидетельство наивысшей жестокости режима в отношении человека. И потому покойники смиренно ждут того часа, когда смогут выйти из могил и потребовать возмездия. В ряде текстов Шаламов отмечает, что иногда смерть была желаннее, комфортней жизни, а братская могила – намного просторней, чем тюремные нары. Однако отсутствие должного погребения, варварское

отношение к останкам, прижизненное отношение к человеку как к расходному материалу не давало возможности даже в могиле ощутить себя свободным от гнета тоталитарного режима. Многие герои «Колымских тетрадей» были вырваны из жизни внезапно и не успевали осознать произошедшее: «Хранили мы тела нетленные,/ Как бы застывшие в движении,/ Распятые и убиенные...» [Шаламов, 2020, с. 143]. Насильственная и несправедливая смерть обращала жертв в стражников времени. Особенно четко эта идея прослеживается в стихотворении «В этой стылой земле...» [Шаламов, 2020, с. 108], где герой, погребенный под грудой камней, лежит в ожидании смерти, не понимая, что уже мертв («я лежу, как мертвец»). Тяжесть прижизненного страдания была настолько сильна, что ему кажется, что он вновь выйдет на смену в золотой забой и потому дорожит каждой минутой покоя. По ряду характерных деталей – тяжесть ветвей, каменная яма, стылая земля – мы понимаем, что он похоронен, но вынужден страдать до тех пор, пока недра вечной мерзлоты не раскроют «позабытый секрет», а его измученное тело, подобно документу, не явит доказательство страшного прошлого. Таким образом, миссия мертвеца – восстановление справедливости посредством сохранения исторической памяти.

**«О, память, ты – рычаг»:
смерть как воплощение
исторической памяти**

Подобно тому, как каменная яма спасает тело от растрескивания, историческая память помогает народу сохранить национальную самоидентичность. Кроме того, не зная прошлого, невозможно в полной мере осмыслить настоящее, а изучая ошибки минувшего века, можно избежать их повторения в будущем. Потому мортальные образы и мотивы в творчестве Шаламова часто сопряжены с идеей памяти. Примером этому может послужить стихотворение «Когда-нибудь на тусклый свет» [Шаламов, 2020, с. 133]. Лирическое повествование представляет собой процесс будущей эксгумации одного из тел, хранящихся в вечной мерзлоте. С первых строф Шаламов выражает идею обреченности человечества, поскольку грядущие поколения будут столь же жестокими и равнодушными как те, кто бросает тела в ямы и наспех закидывает камнями – «вытащат небрежно», «когда-нибудь», «склепают ребра кое-как» и т. д. С изувеченным телом будут обращаться не как с жертвой политических репрессий, а как с анатомическим экспонатом, призванным обучать будущих медиков. Как бы то ни было, покойник рад и такой участи, поскольку его тело расскажет о том, о чем было принято молчать в среде его современников. Снежная пыль сохранит раны, по которым судмедэксперты расскажут о физических

страданиях и душевных муках людей, не сумевших выйти за пределы лагеря. В финале стихотворения лирический герой говорит о себе так: «Я – челобитчик и истец/Невылазного горя» [Шаламов, 2020, с. 134] Употребляя в рамках одного стиха лексические единицы с разной стилистической окраской, герой расширяет пространственно-временные границы, возводя идею мученичества в абсолюте и доказывая тем самым, что боль, стон и несправедливость присущи любой эпохе. Если общество не будет делать выводы, опираясь на ошибки минувшего века, то оно будет обречено на вечное «хождение по мукам».

В стихотворении «Забралась высоко в горы» [Шаламов, 2020, с. 261] страдания и смерть показаны как бы со стороны, а лирическое повествование ведется от лица вьюги, которая, подобно страннице, путешествует по Северу и ведет страшную летопись. Постепенно нарративный дискурс меняется, и повествование становится перволичным: «...живые души/Подгоняют снегопад/И свистят мне прямо в уши/И глаза мои слепят» [Шаламов, 2020, с. 261]. Вьюга, соприкоснувшись с героем, открывает ему тайну смерти и возвращает память, отнятую глухонемым ветром: «Все, что умерло и скрыто/Снегом, камнем, высотой,/Оживленно и открыто/Вновь беседует со мной» [Шаламов, 2020, с. 261]. Бьющие в лицо ожившие воспоминания вызывают у героя

дыхательный спазм и желание скрыться. Однако его принципы не позволяют быть немым свидетелем эпохи, и потому герой «Колымских тетрадей» воплощает историческую скорбь в стихах.

**«И, рассыпаясь в пыль и пепел,
я домечтаю до конца»:
искусство как победа над смертью**

Поэт эпохи – это не индивидуалист, стремящийся достигнуть всенародной славы благодаря эстетизации художественного вымысла. На него возложена роль мессии, призванного явить потомкам идеи минувшего века, его трагедию и величие. И здесь кроется еще одна причина вынужденного бессмертия героя «Колымских тетрадей». В стихотворении «Я чей-то сон...» [Шаламов, 2020, с. 290] лирический герой являет собой живую душу, запертую под гипсовой маской смерти. Данную метафору можно трактовать разнопланово. С одной стороны, маска – это искаленная плоть, омертвевшая, бесчувственная, с другой – цензура, не позволяющая свободно выражать идеи времени. Обе интерпретации образа, на наш взгляд, будут в равной степени допустимы. Уже с первых строк лирический герой стремится уйти от субъективизма, принимая роль беспристрастного свидетеля исторического процесса: «Я – чей-то сон, я – чья-то жизнь чужая,/Прожитая запалом, второпях./Я изнемог, ее изображая/В моих неясных, путаных стихах» [Ша-

ламов, 2020, с. 290]. Однако впоследствии повествование становится перволичным, и герой признается в том, что его поколение – трусливо и безмолвно. Идея исторического стыда звучит в поэзии Шаламова неоднократно, однако здесь она прослеживается наиболее ясно. Герой упрекает и себя, и современников в том, что они не оставят потомкам предмета для гордости, а их наследием станут стоны, жалобы и бессилие: «Что наши дети примут как свое –/Уловки лжи и кодекс вероломства,/Трусливое жительство» [Шаламов, 2020, с. 291]. И тем не менее, творчество поэта – это голос «счастливейшей эпохи», оглушительным криком прорывающийся сквозь немые уста посмертной маски. Подобные мотивы звучат и в стихотворении «Все так, но не об этом речь...» [Шаламов, 2020, с. 141], созвучном со стихотворением А. Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...». Оба героя встретившись со смертью лицом к лицу, все-таки смогли ее избежать, и теперь долг каждого из них – воскресить в стихах тех, кто не смог выйти из братских могил. Рассуждая о долге перед миром, Шаламов пишет: «Он знает хорошо, что я –/Не только искренность моя./Слова чужие, как свои,/Я повторяю в забвении» [Шаламов, 2020, с. 141], таким образом подчеркивая, что его поэзия – это исповедь тех, кто в силу различных обстоятельств остался жив.

Подобного рода творчество является для лирического героя инструментом саморазрушения. Призывая из глубины души тяжелые воспоминания, он выгорает как эмоционально, так и физически. Отсюда в «Колымские тетради» проникает бальзаковский образ шагреновой кожи, забирающей жизненную энергию с каждым исполненным желанием хозяина. Пока есть силы, герой старается «домечтать до конца», не жалея себя, но с каждым новым стихотворением он приближает себя к могиле. И в одном из стихотворений он с тоской заключает: «Где душа? Она кожей шагреновой /Уменьшается, гибнет, гниет. /Песня? Песня, как Анна Каренина /Приближения поезда ждет...» [Шаламов, 2020, с. 246]. Такова плата творца за его талант и возможность быть услышанным современниками и потомками, ибо только обогранные кровью живые страницы рукописи способны заставить читателей задуматься об ошибках прошлого и о тяжелой судьбе поэта поколения. Отсюда вытекает идея творчества как нравственного очищения и последующего упокоения измученной души.

**«Нет участи слаще, желанней
конца, чем пепел, стучащий в
людские сердца»:**

**идея очищения и упокоения
души посредством творчества**

Несмотря на то, что Варлам Шаламов говорил о себе, как о человеке, лишенном религиозных чувств,

вопросы веры и Бога часто затрагиваются в его произведениях. Обычно религиозные мотивы в «Колымских тетрадах» сопряжены с мотивами мученичества и стойкости духа. Так, в поэме «Аввакум в Пустозерске» поэт утверждает подлинную ценность веры как символа свободы и торжества жизни над смертью. Преодолеть испытания лирическому герою «Колымских тетрадей» помогает искусство – воплощение бога в человеке.

В ряде стихотворений («Потухли свечи восковые» [Шаламов, 2020, с. 135], «Славянская клятва» [Шаламов, 2020, с. 114], «В предсмертных новеньких рубашках» [Шаламов, 2020, с. 124], «С годами все безоговорочней» [Шаламов, 2020, с. 143] и др.) Шаламов выражает идею, что бог всегда на стороне «забывших и забытых», а центральными персонажами текстов часто выступают религиозные реформаторы, святые мученики и ученики Христа. Для создания целостности художественного мира автор использует образы и детали, имеющие сакральную природу – белая рубашка, праведная кровь, крест, свечи, саван. В совокупности эти осколки мифологического сознания генерируют, пожалуй, ключевую идею творчества Шаламова – идею праведной мести посредством поэтического творчества. И лишь исполнив эту миссию, поэт не только упокоится, но достигнет всенародной славы. Так, в стихотворении «Нет, нет, не флагов колыханье»

[Шаламов, 2020, с. 338] Шаламов создает образ покойного поэта. В первой же строфе он оговаривается, что его герой – не на службе государства, но на службе народа, и потому на его гроб не опускаются торжественно флаги. Его слава – в робком дыхании поклонников, боящихся потревожить долгожданный покой утомленного скорбью художника. Уход поэта тяготит только окружающих, сам же новопреставленный рад, что не ощутит на себе тяжесть чужих рук. Исходя из этой метафоры, мы понимаем, что его творчество объединило многих соотечественников. Поэт, до конца исполнивший свой долг, рассказавший миру о страдании, преображается и молодеет в гробу, и с последними каплями жизни исчезает с его лица печать страдания, и смерть дается ему не как наказание, а как награда.

Заключение

Таким образом, танатологический дискурс «Колымских тетрадей» Варлама Шаламова являет собой целостный художественный мир, в центре которого – образ лирического героя-творца, постепенно проходящего через все стадии умирания. Впервые встретившись со смертью в золотом забое, он становится ее частью и уничтожает все живое, к чему прикасается. Умерев физически, герой не может найти упокоения и потому становится стражем времени, ожидая часа, когда он покинет свой каменный

приют и явит миру страшную тайну, тщательно скрываемую недрами Колымы. Сохранить историческую память ему помогает природа, чей язык понимают и живые, и мертвые. Так, камень сохраняет тело героя нетленным, а вьюга открывает его взору жуткую летопись человеческого страдания. Единственным избавлением от груза прошлого для героя становится поэтиче-

ское творчество, благодаря которому он не только достигает покоя, но и частично восстанавливает историческую справедливость, рассказывая о невинно погубленных жертвах политических репрессий: «И он хотел такие муки,/Забыв о ранней седине,/Отдать – но только прямо в руки/Родной неласковой стране» [Шаламов, 2020, с. 230].

Библиографический список

1. Абельюк Е «Смерть» и «воскресение» человека в «Колымских рассказах» В. Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Москва : Литера, 2013. С. 97–108.
2. Аношина А. В. Тема смерти в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова // Res philologica: Учен. зап. Северодвинского фил. Поморского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2004. Вып. 4. С. 273–276.
3. Берютти М. Утверждение истины // Шаламовский сборник: Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. Вологда : Грифон, 2002. С. 143–153.
4. Волков О. Наша вина и боль // Шаламовский сборник. Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. Вологда : Грифон, 2002. С. 39–43.
5. Волкова Е. Эстетический феномен Варлама Шаламова // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. Москва : Республика, 1997. С. 7–22.
6. Есипов В. В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда : Книжное наследие, 2007. 272 с.
7. Зайцева А. Р. Метафизика смерти в прозе Варлама Шаламова // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2005. № 2. С. 67–71.
8. Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы в 2-х т. Т. 1. 1-е изд. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2020. 591 с.

Reference list

1. Abeljuk E «Smert'» i «voskresenie» cheloveka v «Kolymskih rasskazah» V. Shalamova = “Death” and “resurrection” of man in Kolyma Stories by V. Shalamov // Varlam Shalamov v kontekste mirovoj literatury i sovetskoj istorii. Moskva : Litera, 2013. S. 97–108.
2. Anoshina A. V. Tema smerti v «Kolymskih rasskazah» V. T. Shalamova = The theme of death in the “Kolyma Tales” by V. T. Shalamov // Res philologica: Uchen. zap. Severodvinskogo fil. Pomorskogo gos. un-ta im. M. V. Lomonosova. Arhangel'sk, 2004. Vyp. 4. S. 273-276.
3. Berjutti M. Utverzhdenie istiny = Assertion of the truth // Shalamovskij sbornik: Vyp. 3 / sost. V. V. Esipov. Vologda : Grifon, 2002. S. 143–153.

4. Volkov O. *Nasha vina i bol' = Our guilt and pain* // *Shalamovskij sbornik*. Vyp. 3 / sost. V. V. Esipov. Vologda : Grifon, 2002. S. 39–43.
5. Volkova E. *Jesteticheskiy fenomen Varlama Shalamova = Varlam Shalamov's aesthetic phenomenon* // *IV Mezhdunarodnye Shalamovskie chtenija*. Moskva, 18–19 ijunja 1997 g.: *Tezisy dokladov i soobshhenij*. Moskva : Respublika, 1997. S. 7–22.
6. Esipov V. V. *Varlam Shalamov i ego sovremenniki = Varlam Shalamov and his contemporaries*. Vologda : Knizhnoe nasledie, 2007. 272 s.
7. Zajceva A. R. *Metafizika smerti v proze Varlama Shalamova = Metaphysics of death in Varlam Shalamov's prose* // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Ufa, 2005. № 2. S. 67–71.
8. Shalamov V. T. *Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems v 2-h t. T. 1*. 1-e izd. Sankt-Peterburg : Vita Nova, 2020. 591 s.